

Дарья Мон

A young man with dark hair and a serious expression is looking down at a tablet he is holding. The tablet's screen is shattered with a spiderweb pattern of cracks. He is wearing a dark, long-sleeved shirt. The background is a dimly lit room, possibly a laboratory or a control room, with several computer monitors displaying data and graphs. To the right, a large screen shows a medical diagram of a human body with red spots indicating internal issues. The overall atmosphere is dark and mysterious.

Синдром отличника

Дарья Мон

Синдром отличника

«Автор»

2026

Мон Д.

Синдром отличника / Д. Мон — «Автор», 2026

Перед поступлением в гимназию Дима неожиданно начинает учиться лучше всех. Он выигрывает олимпиады, легко справляется с самыми сложными заданиями и словно знает ответы заранее. Но вместе с успехами происходят странные вещи. Дима всё чаще не помнит, что делал накануне, приносит домой чужие часы, осколки зеркала и даже школьную мышь из живого уголка. А по ночам родители слышат, как он с кем-то разговаривает. И иногда ему отвечает второй голос.

© Мон Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Часы	5
Глава вторая. Вывернутые петли	7
Глава третья. Сообщение	8
Глава четвертая. Координаты	9
Глава пятая. Архив	10
Глава шестая. Шаги наверху	11
Глава седьмая. Уже мертв	12
Глава восьмая. Наверх	13
Глава девятая. На соседнем сиденье	14
Глава десятая. По имени	15
Глава одиннадцатая. Ничего не подписывайте	16
Глава двенадцатая. Пустая кровать	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Синдром отличника

Глава первая. Часы

Ирина нашла часы в кармане его куртки, когда искала мелочь на молоко.

Не его часы. Мужские, на растянутом кожаном ремешке, с треснувшим стеклом. Она покрутила их в руке, понюхала зачем-то ремешок. Пахло чужим одеколоном и почему-то бензином. Она положила часы на край стиральной машины, рядом с порошком.

Дима сидел за столом, обложившись тетрадами. Три олимпиадные грамоты уже висели в рамках в коридоре, четвертая лежала на подоконнике: вешать ее было уже некуда. Он решал задачи в темноте, при свете одной настольной лампы, и от этого его лицо снизу казалось желтым, вырезанным.

— Дим, а это чьи? — она держала часы за ремешок, на вытянутой руке, как что-то с помойки.

Он поднял голову. Ручка в его пальцах дважды провернулась и щелкнула кнопкой.

— Не знаю. Нашел, наверное.

— Где нашел?

— Не помню. — Он улыбнулся. — Мам, я решаю. У меня зачет.

Голос был спокойный, легкий, ни одной трещины. Только пальцы все щелкали кнопкой ручки. Щелкали и щелкали, пока он не заметил это сам и не сжал руку в кулак.

Ирина отнесла часы на балкон, положила в коробку из-под обуви, где хранился всякий хлам: старые ключи от квартиры на Гоголя, детский свисток, батарейки без заряда. Туда же, месяц назад, легли заколка с чужими волосами и осколок зеркала размером с ладонь.

Она стояла над коробкой и считала предметы. Три. Не два, не пять, а три. И от этого почему-то было хуже, чем от любого из них по отдельности.

Мысль складывалась ровно, аккуратными кирпичиками, и в нее хотелось верить. Но осколок зеркала был отбит слишком чисто, точно специально под руку. И на нем, если приглядеться, оставался коричневый развод у самого края.

Ночью Ирина проснулась от голоса за стеной. Не крик, не бормотание во сне, а разговор. Две интонации, два темпа: один торопливый, ломкий, мальчишеский, другой низкий, растянутый, с паузами, как будто взрослый диктует, а ребенок записывает под диктовку.

Она стояла у его двери в одной футболке, босиком, и холод от плитки полз вверх по ступеням.

— ...не сегодня, — говорил высокий голос. — Мне в школу.

— Школа подождет, — ответил низкий. Не громче, просто ниже на октаву, и от этого казалось, что говорит кто-то крупнее, тяжелее. — Ты обещал закончить.

— Я устал.

— Ты не устал. Это я устал ждать.

Пауза. Скрипнули пружины матраса: кто-то сел, потом снова лег.

Ирина стояла и досчитала до тридцати, прежде чем взялась за ручку двери. Палец зацепился за облупленную краску на косяке. Там всегда была щербинка, еще с тех пор, как Дима в третьем классе бросил в дверь роликом от коньков. Она машинально поскребла ее ногтем, один раз, второй, вместо того чтобы толкнуть дверь.

Толкнула.

Дима лежал на спине, глаза закрыты, дыхание ровное. Одна рука свесилась с кровати, пальцы едва касались пола. На тумбочке лежал раскрытый ежедневник, исписанный мелким убоористым почерком. Не его почерком, а острым, будто буквы вырезаны бритвой.

Она включила свет. Он не проснулся.

Тетрадь погасла в темноте так же, как страница светилась миг назад. Она просто исчезла из виду, когда Ирина щелкнула выключателем обратно. Стоять и смотреть на чужой почерк сына было хуже, чем ничего не знать.

Дверь закрылась. Свет погас. Она осталась в коридоре одна, и палец все еще саднил от щербинки в косяке, словно содрали кожу.

Утром за завтраком Дима ел кашу быстро, деловито, как перед экзаменом.

— Мам, ты чего не спишь по ночам? — спросил он, не поднимая глаз от тарелки. — Я слышал, как ты вставала.

Ложка стукнула о край тарелки один раз — слишком громко для обычного завтрака.

— Показалось, наверное, — сказала она.

Он кивнул, соглашаясь, и доел кашу до последней ложки, аккуратно составил тарелку с ложкой на край стола, как отчитывался бы за пустую посуду.

Глава вторая. Вывернутые петли

Ирина сфотографировала три разворота на телефон, пока Дима был в душе, и вернула ежедневник на тумбочку так, как он лежал: раскрытым, корешком вверх, ручкой поперек страницы.

Вглядываясь в снимки, она заметила то, чего не успела разглядеть в темноте. Острый чужой почерк на полях был жестоко перечеркнут, слои бумаги в нескольких местах содраны ногтем до дыр. Поверх чужих бритвенных букв стояли дрожащие, торопливые надписи, сделанные узнаваемым детским почерком Димы: «Не верь» и чуть ниже, почти продавливая страницу насквозь: «Это не я».

Руки сами убрали телефон в карман халата. Решение, брать его с собой в школу или нет, пришло уже потом.

Кабинет психолога пах кофе и мелом одновременно, как будто их варили в одной кастрюле. За окном кто-то долбил отбойным молотком тротуар, и звук долетал глухими толчками, через два стекла.

Елена Викторовна разложила фотографии на столе веером, как карты.

— Это не его почерк, — сказала она. Не спросила. Просто положила ладонь на верхний снимок, прижала, будто придерживая бумагу от ветра, которого в кабинете не было.

— Я знаю, что не его. Поэтому и пришла.

Ирина вспомнила, как утром Дима уверял за кашей, что с ним все в порядке. Хотя он говорил только про сон. Мысль сорвалась, и Ирина моргнула, чтобы отвлечься.

Психолог долго молчала, водила пальцем по краю снимка, не глядя на Ирину.

Пальцы у Елены Викторовны были в мелких порезах бумагой, на костяшках, там где обычно листают тетради быстро, не глядя.

— В прошлом году у меня был мальчик из параллельного, девятый «Б», — сказала она наконец. — Егор Стрельников. Тоже отличник, тоже с... — она подбирала слово, — с устройством. Принес тетрадь, попросил проверить домашнюю. Там на последней странице было написано что-то, чего в задании не требовалось.

— Что написано?

— Не помню дословно. Помню почерк. — Она подвинула снимок к себе ближе, поднесла к настольной лампе. — Такой же нажим. Такие же петли на «д» и «з», вывернутые не в ту сторону.

Радиатор под окном щелкнул, остывая, и обе вздрогнули на этот щелчок сильнее, чем следовало.

— Где он сейчас, этот Егор?

— Забрали в другую школу. Родители сказали, что решили переехать.

Ирина не стала спрашивать про переезд. Ответ и так читался в том, как Елена Викторовна избегала ее взгляда и вглядывалась в снимок.

— Вы можете дать мне контакты родителей?

— Не могу. — Пауза, слишком длинная для простого отказа. — Но поспрашиваю в учительской, кто ведет переписку с той школой.

Она сказала это буднично, будто одалживала степлер.

Ирина шла домой через двор, мимо турников, где раньше играл маленький Дима. На автомате отметила глазами скол на бетонной плите у подъезда, старый, еще с прошлой зимы, обведенный чьей-то ногой в грязи по контуру, как будто по нему специально ходили, обходя. Она несла в голове только два слова: петли, вывернутые.

Дома пахло кашей, которую кто-то разогрел без нее.

Глава третья. Сообщение

В семь зазвонил будильник. Ирина потянулась выключить телефон, не разлепляя глаз. Только через секунду поняла: под пальцем не та обложка.

Чехол был Димин. Синий, потертый на углу.

Она села в кровати, включила экран. Фотографии из ежедневника были открыты в галерее. Все три, пролистанные, просмотренные. Дима стоял в дверях спальни, уже одетый в школьную рубашку.

— Ты фотографировала мой дневник, — сказал он.

Голос звучал ровно для фразы, которая должна была прозвучать обидой или криком.

— Дим, я...

— Я знаю зачем.

Он подошел, взял свой телефон с ее тумбочки, повертел в руке, будто впервые видел этот предмет. Палец на секунду завис над экраном, не касаясь, и опустил только потом.

— Ты не сердись? — спросила она.

— А должен?

Взгляд Ирины зацепился за пуговицу на его рубашке, застегнутую криво. Она протянула руку поправить, привычным жестом, каким поправляла с первого класса.

Дима отступил. Пробормотал что-то про контрольную и ушел в школу.

Весь день Ирина работала с выключенным звуком телефона на столе, экраном вниз, и дважды за это время переворачивала его без причины, просто чтобы убедиться, что там ничего нет.

Вечером, когда мыла посуду, телефон завибрировал на столе, прыгнул на сантиметр.

Сообщение с Диминого номера.

«Здравствуйте, Ирина Сергеевна»

Она вытерла руки о полотенце дважды, хотя они уже были сухие, и только потом взяла телефон.

Так к ней не обращался никто, кроме учителей на родительских собраниях. Дима звал ее «мам» с четырех лет, даже когда злился, даже когда хлопал дверью в тринадцать. Ирина Сергеевна — так называли ее на работе, в бухгалтерии, люди, которые не знали ее по имени близко.

Следующее сообщение пришло, пока она читала первое.

«Вы искали не того человека в девятой школе. Стрельниковы не переезжали»

Пальцы стали холодными. Телефон чуть не выскользнул на мокрый пол.

Она набрала ответ, стерла, набрала снова.

«Кто это?»

Ответ пришел не сразу. Секунд через сорок, которые она просчитала по капающему крану, не выключенному до конца, три капли в секунду, словно отсчет.

«Вы уже знаете. Просто не хотите писать это словом»

Ирина стояла на кухне с полотенцем в одной руке и телефоном в другой. С улицы через открытую форточку доносился ровный гул проезжающей мимо машины, случайный, ничего не значащий звук, который почему-то показался ей самым громким за весь вечер.

Дима вернулся домой в девять, сел ужинать, рассказал про контрольную по алгебре буднично и ровным голосом, словно весь день прошел обычно.

Телефон в его кармане не издал ни звука.

Глава четвертая. Координаты

Муж спал на боку, отвернувшись к стене, и дышал ровно, с присвистом на выдохе, каким дышал последние два года, с тех пор как перестал бросать курить.

Ирина лежала рядом с телефоном под подушкой, экраном вниз, и ждала, пока дыхание рядом не станет совсем механическим.

Встала в начале второго. Прошла босиком через комнату в ванную, дверь прикрыла не до конца, чтобы щеколда не щелкнула.

Свет включать не стала. Экран телефона высветил кафель холодным квадратом, и в этом квадрате отражалось ее лицо снизу, вытянутое, чужое.

Набрала: «Где мне искать доказательства?»

Стерла. Слишком похоже на допрос.

Набрала снова: «Что мне делать»

Отправила без вопросительного знака. Палец сам убрал его перед отправкой: без знака вопрос звучал спокойнее, менее отчаянно.

Ответ пришел быстро для того, кто должен был спать.

«Дачный поселок Заречный, третья линия, участок 14. Приезжайте одна»

Палец уже набирал в навигаторе название поселка.

Она напечатала: «Почему одна?»

«Потому что при нем я не смогу говорить свободно»

Сообщение пришло ровное, без ошибок, словно от взрослого.

Ирина сидела на краю ванны, поджав ноги от холода кафеля, и водила пальцем по ямке на бортике.

Дверь спальни скрипнула где-то за стеной.

Она замерла, выключила экран, вслушалась. Ничего. Муж перевернулся во сне на другой бок, только и всего, стон старой доски под матрасом, не шаги.

Она спросила: «Когда?»

«Пока он спит. Сейчас самое время»

Ирина посмотрела на свое отражение в темном зеркале над раковиной, на женщину в мятой футболке, с телефоном в дрожащей руке. И не узнала в ней ту, что утром гладила рубашки и проверяла домашнее задание по алгебре.

Она надела куртку поверх пижамы, взяла ключи от машины с крючка у двери, стараясь не звенеть связкой, и вышла на лестничную клетку, где пахло сыростью и чужим сигаретным дымом.

Свет на площадке не горел, поскольку кто-то выкрутил лампочку неделю назад. Она спускалась по темной лестнице, держась за перила. На середине пролета нащупала под рукой что-то липкое, оставленное чьей-то ладонью раньше ее, и не стала думать, чьей.

Глава пятая. Архив

Поселок Заречный встретил ее сломанным шлагбаумом, поднятым навсегда, и запахом прелой листвы, не убранной с осени.

Третья линия шла вдоль забора из профлиста, местами проржавевшего до дыр размером с кулак. Фары выхватывали выцветшие номера на калитках, нарисованные от руки.

Участок 14 стоял без забора вовсе. Дом на нем был двухэтажный, кирпичный, с одним разбитым окном на втором этаже, заклеенным изнутри полиэтиленом, который трепало ветром с тихим шорохом.

Ирина заглушила машину в стороне, на пятне гравия, и сидела в темноте минуту, не выходя.

Можно развернуться. Можно просто уехать домой, лечь рядом с мужем, сделать вид, что ничего не было, а утром позвонить в полицию с городского телефона, анонимно. Пусть разбираются профессионалы. Она не следователь, она бухгалтер, у нее нет ни оружия, ни подготовки, ни права находиться здесь ночью одной.

Дверь машины она все равно открыла.

Входная дверь дома оказалась приоткрытой, без замка, будто его выломали давно и забыли поставить новый. Внутри пахло сыростью и чем-то химическим, похожим на запах старой аптечки, куда годами складывали просроченные лекарства.

Луч телефонного фонарика бегал по обоям, отклеившимся от стен длинными языками, по пустым полкам, по одному стулу, стоящему посреди комнаты, как будто его специально поставили ждать.

На кухне, за холодильником без дверцы, обнаружилась лестница в подвал.

Ступени постанывали под ногами, каждая на свой лад. Ирина считала их про себя, чтобы не думать ни о чем другом. Семь. Восемь. Девять.

Подвал оказался сухим, в отличие от дома наверху. Вдоль одной стены стояли металлические канцелярские советские шкафы, окрашенные бежевой краской, местами облупившейся до ржавчины.

Один шкаф был не заперт.

Внутри лежали папки. Обычные картонные, с завязками, каких давно не делают, разве что в архивах старых поликлиник. На корешке у каждой стояли имя, фамилия и дата, написанные от руки тем самым острым почерком, с вывернутыми петлями на «д» и «з».

Стрельников Егор, 2011. Марченко Влада, 2012. Дмитрий Ковалев, 2011.

Палец у Ирины дернулся. Папка с фамилией сына выскользнула из руки, ударилась об пол углом, рассыпав несколько листов.

Она села на корточки, стала собирать. Листы были исписаны с двух сторон, где-то печатным текстом, где-то от руки, и один лист, отдельно от прочих, был явно новее остальных, чище, без желтизны по краям.

На нем был список: больше двадцати фамилий, в две колонки. Напротив каждой, карандашом, галочка или крестик. Рядом с фамилией Ковалев стояла галочка.

Крестиков в списке было пятнадцать. Напротив трех фамилий крестик стоял не просто так, а рядом с датой, обведенной в кружок. Все три даты приходились на этот месяц.

Где-то наверху скрипнула половица. Не под ветром, а под весом.

Ирина замерла. Фонарик в руке дрогнул, и тень от шкафа качнулась по стене.

Шаги на первом этаже были медленными. Размеренными. Кто-то не спешил.

Глава шестая. Шаги наверху

Ирина погасила фонарик и вжалась плечом в холодный бок шкафа, туда, где краска облупилась до самого металла.

Темнота в подвале оказалась не полной, а серой, с проблеском лунного света из щели под потолком. В этом сером свете шкафы вдоль стены превратились в ряд одинаковых силуэтов, без имен на корешках, без лиц.

Папку с фамилией сына она прижала к груди, как прижимают что-то живое.

Шаги на первом этаже прошаркали через комнату, задержались у кухни, потом двинулись дальше, в сторону холодильника без дверцы.

Остановились.

Прямо над люком.

Сердце застучало не в груди, а где-то в горле, ровными толчками. Ирина зажала себе рот ладонью, хотя не издавала ни звука. Ладонь пахла машинным маслом от руля, которым она держалась всю дорогу.

Половица над люком отозвалась снова, ближе, чем раньше.

— Я знаю, что вы здесь, Ирина Сергеевна, — донесся голос сверху. Говорил мужчина, чеканя каждое слово. — Внизу холодно. Поднимайтесь.

Голос был незнакомый. Не Дима, и не муж.

Ирина не отвечала. Считала капли пота, скатывающиеся вдоль позвоночника, одну за другой, чтобы не думать о том, откуда этот человек знает ее отчество.

— Вы нашли папки и список, — продолжал он. — Но список неполный. От нашего разговора зависит, попадет ли ваш сын в число тех троих.

Свет фонаря сверху скользнул в щель люка, полоснул по полу подвала желтой линией. Ирина отступила глубже в тень между шкафами, задев локтем один из них, глухо звякнувший пустой петлей.

— Я вас слышу, — монотонно произнес незнакомец.

Крышка люка наверху откинулась с глухим стуком.

Ирина смотрела снизу, как в проеме появляется силуэт — не спешащий, уверенный в том, что бежать ей некуда. В свете его же фонаря, направленного вниз, на секунду блеснуло что-то на его руке. Часы. На растянутом кожаном ремешке, с треснувшим стеклом.

Точно такие же, какие несколько дней назад она нашла в кармане куртки сына.

Глава седьмая. Уже мертв

Лицо мужчины держал под лучом фонаря снизу вверх, так что тени легли не туда, куда должны, и глазницы казались двумя провалами без дна.

Ирина узнала его не сразу. Не по лицу. По родинке над левой бровью, ровно там же, где на фотографии из старой статьи, которую она пролистала когда-то в ленте на телефоне, среди рекламы и рецептов, и забыла на следующий день.

Тело вспомнило первым. Она когда-то, читая ту статью, точно так же сжимала телефон обеими руками, боясь, что он выскользнет.

— Вы Соколов, — сказала она. Голос вышел ровнее, чем она ожидала от себя. — Врач. Вас искали десять лет.

— Двенадцать, — поправил он с бесстрастной точностью, будто зачитывал протокол. — Но да, приятно, что кто-то еще помнит.

Он спустился на две ступеньки, не торопясь. Свет фонаря качнулся, выхватил на миг паутину в углу подвала, аккуратную, целую, не тронутую ничьим движением.

— Вы не постарели, — сказала Ирина.

— Постарел. Просто менял тела. — На лице Соколова не шевельнулся ни один мускул.

Он сел на нижнюю ступеньку, спиной к перилам, и достал что-то из кармана куртки. Ирина отступила еще на полшага, наткнулась спиной на угол шкафа.

Это оказался блокнот. Обычный, канцелярский, с потертой обложкой.

— Вашего сына зовут Дима, — сказал он, листая страницы, не глядя на нее. — Хороший мальчик. Способный. Жалко, если он попадет в тройку.

— Какую тройку?

— Тех, кого списывают.

Он произнес это так же ровно, как минуту назад говорил про возраст. От этой ровности слова прозвучали страшнее, чем если бы он их выкрикнул.

— Списывают откуда?

— Чужое присутствие требует места, — он поднял на нее пустым взглядом глаза. — А живых оболочек всегда не хватает.

Недоговоренность повисла в стылом воздухе подвала. Лампочка где-то наверху, в кухне, мигнула через открытый люк, один раз, от перепада напряжения, не иначе.

Ирина смотрела на паутину в углу. Целую, нетронутую. Там, где давно никто не ходит, пыль ложится ровным слоем. А здесь, у самого шкафа, слой был потревожен. Чьими-то шагами, задолго до ее собственных.

Глава восьмая. Наверх

Рука уже держала что-то тяжелое с полки, а решение, что с этим делать, еще не оформилось.

Банка. Стеклоянная, с завинченной крышкой, полная то ли гвоздей, то ли шурупов, судя по весу и глухому звяканью внутри.

Ирина размахнулась и ударила по фонарю в руке Соколова.

Стекло хрустнуло, свет мигнул и погас. Крышка люка над головой качнулась от толчка, и в темноте что-то тяжелое осело на пол со стуком, то ли банка, то ли сам Соколов.

Она не стала проверять.

Ноги нашли ступени сами, по памяти, семь, восемь, девять, и на девятой она едва не упала, зацепившись носком тапка о выступ бетона.

Наверху лунный свет из разбитого окна казался ослепительным после подвальной черноты.

Соколов остался внизу, значит, у нее есть минута, может, две, прежде чем он поднимется следом. Может, он вообще не сможет подняться сразу, если удар пришелся не только по фонарю. Не стоит думать, что он старик, он не старик, чем бы он ни был, и рассчитывать на его медлительность глупо и опасно.

Она бежала через комнату с отклеенными обоями, задела плечом стул, стоящий посреди пола. Тот качнулся, но не упал, замер на двух ножках и снова встал на все четыре с деревянным стуком.

Из подвала донесся голос. Ровный, без единой нотки злости, что пугало сильнее любого крика.

— Ирина Сергеевна, так вы только усложняете все.

Она не ответила. Толкнула входную дверь плечом, вывалилась на крыльцо, где воздух пах прелой листвой и чем-то еще, речным илом, наверное, с той стороны, где за забором из профлиста угадывалась вода.

До машины было метров тридцать по гравию. Она бежала, не разбирая дороги. Один раз оступилась в яму от столба, старую, заросшую травой, вывернула лодыжку, но не остановилась, чтобы это осознать.

Ключи в замке зажигания провернулись не с первого раза. Пальцы дрожали.

Мотор завелся. Фары выхватили из темноты калитку без забора, покосившийся столб, и на секунду, у самого края света, силуэт, стоящий неподвижно на крыльце дома, не спешащий ее догонять.

Ирина вывернула руль и вдавила педаль в пол.

Телефон на соседнем сиденье завибрировал. Одно сообщение, с номера сына.

«Вы забыли папку»

Глава девятая. На соседнем сиденье

Фары выхватывали из темноты только полосу асфальта впереди, узкую, дрожащую от тряски на разбитой грунтовке. Ирина держала руль обеими руками, хотя машина шла ровно.

Взгляд сам скользнул в зеркало заднего вида, проверить, не едет ли кто следом.

Дорога позади была пустой.

Она перевела глаза обратно на трассу и только тогда заметила краем зрения что-то на пассажирском сиденье. Картонный уголок, знакомого бежевого цвета.

Нога сама отпустила педаль газа. Вопрос «зачем» пришел только следом.

Папка лежала там же, где обычно лежала ее сумка, ровно посередине сиденья, словно ее положили аккуратно, не бросили второпях. На корешке, тем самым острым почерком, было написано: Ковалев Дмитрий, 2011.

Машина вильнула на обочину, зацепила гравий правым колесом. Ирина вывернула руль, вернула ее на дорогу.

Она остановилась на пустой стоянке у заправки, закрытой в это время, с погашенной вывеской. Включила свет в салоне.

Папка была та же самая, но внутри лежали не те документы, что рассыпались в подвале.

Один лист. Свежий, без единой складки, отпечатанный на принтере, не от руки. Ирина держала его на вытянутой руке, точно расстояние могло что-то изменить в написанном.

«Список закрывается в полночь через три дня. Решайте быстрее»

Внизу листа, мелким шрифтом, стояла дата рождения Димы. Число, месяц, год, все верно, до последней цифры.

Ирина сложила лист вдвое, потом еще вдвое, пока он не превратился в жесткий квадрат размером с ладонь, и сжала кулак вокруг него так, что край бумаги впился в кожу.

За окном заправки, на другой стороне пустой площадки, стояла ржавая бочка для мусора. Из нее торчал угол чего-то яркого, синего, пластикового, совсем не подходящего к остальной серой ржавчине вокруг. Игрушка, наверное. Детский совок для песка, забытый кем-то еще летом.

Ирина смотрела на этот совок дольше, чем следовало. Он был единственной яркой вещью в поле зрения. Глазам нужно было на чем-то остановиться, чтобы не соскользнуть обратно к листу в кулаке.

Она завела машину и поехала домой, но свернула не в свой двор, а на соседнюю улицу, туда, где круглосуточно работало отделение полиции с приметной синей вывеской.

Глава десятая. По имени

Дверь отделения открылась с тяжелым скрипом пружины, слишком громким для четырех утра.

За стойкой сидел дежурный, молодой, в мятой форме, с кружкой остывшего чая под рукой. На столе перед ним лежала раскрытая книга происшествий, а рядом, криво, стояла фотография в рамке: он же, но лет на десять младше, в военной форме, обнимает пожилую женщину.

Женщина шагнула к стойке, открыла рот, чтобы назвать себя.

— Ирина Сергеевна, слушаю вас.

Слова застряли в горле. Она не произнесла свое имя. Не показала документов.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Дежурный моргнул, отставил кружку.

— Так вы же с нами разговаривали час назад, — сказал он, и в его голосе не было ни капли лукавства, только обычная легкая усталость ночной смены. — Звонили с городского, сказали, что заедете. Разве нет?

Она никому не звонила. Она вообще не брала в руки городской телефон, у них дома его нет уже лет пять, они отказались от проводной линии, когда переехали. Может, дежурный путает ее с кем-то другим, ошибся сменой, перепутал фамилии в журнале, такое бывает под утро после суток на ногах.

— Покажите журнал, — попросила она.

Он развернул книгу происшествий к ней, ткнул пальцем в строку. Время: 02:47. Фамилия: Ковалева И. С. Тема обращения: «сообщить о пропаже документов».

Почерк в графе был не его. Убористый, острый, с вывернутыми петлями на «в».

Ирина отступила от стойки на шаг, зацепилась каблуком о резиновый коврик у входа.

— Кто это записывал?

— Я записывал, — дежурный пожал плечами, глянул на строчку так, как будто впервые ее видел. — Голос был мужской. Представился вашим мужем, сказал, что вы сейчас за рулем и подъедете следом.

За окном отделения, на пустой парковке, одиноко горел единственный фонарь. Вокруг него кружила ночная бабочка, мотылек, врезаясь в стекло плафона снова и снова, с одинаковым равномерным стуком.

— Мне нужна помощь, — сказала Ирина. Голос вышел тише, чем она хотела. — Моему сыну грозит опасность. Есть список, есть человек, который называет себя врачом, он...

Она замолчала, слушая собственный голос. Слова звучали как бред, с которым обычно отправляют на осмотр в совсем другое ведомство.

Дежурный смотрел на нее цепко, без ухмылки, но с тем усталым снисхождением, с каким отгораживаются от чужого помешательства.

— Давайте я запишу заявление, — сказал он, придвигая чистый бланк. — А вы пока присядьте, отдышитесь. Хотите воды?

Она хотела крикнуть, что вода ей не нужна, что прямо сейчас нужно подняться на ноги, объявить тревогу, прочесать этот чертов поселок и найти Соколова, который пропал двенадцать лет назад. Вместо этого только кивнула и опустилась на ледяной пластиковый стул.

На бланке в его руках, под шапкой отделения, в самом низу страницы, был мелкий типографский номер бланка. Она смотрела на этот номер, вместо того чтобы говорить, и цифры расплывались перед глазами, пока не превратились в бессмысленный узор.

Телефон в кармане куртки завибрировал один раз.

Она не стала доставать его при дежурном.

Глава одиннадцатая. Ничего не подписывайте

Туалет в отделении пах хлоркой и сырой штукатуркой, а лампа под потолком жужжала неровно, то громче, то тише, будто дребезжал сам плафон.

Ирина заперла защелку, прислонилась спиной к двери и только тогда достала телефон.

«Правильный выбор. Теперь идите домой и ничего не подписывайте»

Буквы на экране не двигались, но она перечитала фразу три раза, словно от этого могло измениться содержание.

Кран над раковиной подтекал, ровно раз в несколько секунд роняя каплю в белую эмаль с металлическим звоном.

Капля упала снова. Один раз, второй.

Она посчитала капли и сбилась на пятой, потому что рука уже набирала ответ.

«Это вы все подстроили. Звонок в 02:47»

Ответ пришел почти сразу.

«Не все. Только то, что должно было привести вас туда, где вы бы поверили дежурному больше, чем себе»

Ирина села на закрытую крышку унитаза, хотя не собиралась садиться, ноги сами подогнулись.

«Зачем?»

«Чтобы вы не тратили три дня на людей, которые вам не помогут. Помочь может только один человек. Вы уже с ним разговаривали»

Она вспомнила паутину в углу подвала, нетронутую, и родинку над бровью в свете фонаря снизу.

«Соколов»

«Соколов не помощь. Соколов — часть проблемы»

Ирина смотрела на этот ответ дольше остальных. Слово «часть» настораживало. Складывалось впечатление, что автор хотел в него вложить что-то важное для него самого.

«Тогда кто вы?»

Пауза длилась дольше предыдущих. Кран уронил еще три капли, прежде чем экран засветился снова.

«Тот, кто остался в мальчике настоящим. Дима — не имя чипа. Дима — мое имя, если это вам о чем-то говорит»

Дверь туалета дернули снаружи, кто-то попробовал войти, не постучав. Женщина вздрогнула так, что телефон едва не выскользнул из руки во второй раз за эту ночь.

— Занято, — сказала она, и собственная речь прозвучала чуждо, словно со стороны.

Шаги за дверью удалились. Обычные шаги, не размеренные, не те.

Она вышла к дежурному через пять минут, сказала, что напишет заявление позже, когда соберется с мыслями. Он не настаивал, только протянул визитку с номером отделения и посоветовал не садиться за руль уставшей.

Ирина ехала домой на рассвете, когда небо над многоэтажками начало сереть, еще не светлея по-настоящему, и во дворе, у своего подъезда, увидела мужа. Он стоял без куртки, в домашних тапочках, на холодном асфальте, глядя на приближающиеся фары так, будто ждал их всю ночь.

Глава двенадцатая. Пустая кровать

— Где Дима? — спросил муж.

Ирина заглушила мотор, вышла из машины, не закрыв дверь.

— Дома. Спит.

— Нет. — Муж покачал головой, коротко, один раз. — Я проверил его комнату час назад, когда не нашел тебя. Кровать пустая. Окно приоткрыто.

Холод асфальта прошел сквозь тонкие подошвы ее тапочек, точно она стояла босиком.

Они молча поднялись в квартиру. В лифте муж все смотрел на нее сбоку, ждал объяснений, которых она пока не могла собрать в связную фразу.

Комната Димы встретила их приоткрытой форточкой и сквозняком, шевелящим лист на столе, придавленный степлером.

Кровать была застелена так, как ее застилают утром, а не так, как оставляют вставая посреди ночи, ровно, без единой складки.

Муж уже набирал номер сына. В комнате, на тумбочке, завибрировал телефон Димы, знакомой мелодией, заскользив по деревянной поверхности от вибрации.

Ирина взяла аппарат в руки, разблокировала его отпечатком, который сохранился с прошлого года, когда сын давал ей код для оплаты школьной формы.

В переписке ничего нового не было. Последнее сообщение отправлено ей самой, несколько часов назад, из подвала дома в Заречном: «Вы забыли папку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.